

УДК 1:81.0

**ЛОГИЧЕСКИЕ И ОБРАЗНЫЕ ФОРМЫ
«УНИВЕРСАЛЬНЫХ» ЯЗЫКОВ****Береснева Наталья Ириковна,**Голева Елена Олеговна**Пермский государственный национальный исследовательский университет*

Рассматриваются проблемы создания искусственных семиотических систем для обслуживания сферы научного познания. Авторы выделяют две парадигмы в создании «универсальных» языков — традиционную, основанную на логике, и образно-схематическую. Фактически это два противоположных способа преобразования естественного языка для представления результатов научного познания. Однако показано, что попытки конструирования языка науки для фиксации научных истин и расширения сферы познания («универсального», «идеального», «философского» языка) оказываются неудачными, поскольку не учитывают специфику познавательного процесса, связи языка и мышления.

Ключевые слова: научное познание; «универсальный» язык; язык науки.

LOGICAL AND FIGURATIVE FORMS OF «UNIVERSAL» LANGUAGES*Natalia I. Beresneva, Elena O. Goleva**Perm State University*

The problems of creation of the artificial semiotic systems for the maintenance of scientific knowledge sphere are regarded in the article. The authors identify two paradigms in the creation of «universal» languages — traditional, based on logic, and figurative-and-schematic. In fact, these are two opposite ways of transformation of the natural language to present the results of scientific knowledge. However, it is shown that the attempts of construction of the scientific language in order to establish the scientific truths and to expand the scope of knowledge (the «universal», «ideal», «philosophical» language) are unsuccessful because they do not take into account the peculiarity of the cognitive process — the relation between language and thought.

Key words: scientific knowledge; «universal» language; scientific language.

Способность языкового мышления отображать реальность является одной из ключевых проблем гносеологии. Еще с XVII–XVIII вв. учеными ставится проблема несовершенства естественных языков, явившихся результатом неконтролируемого и случайного развития. Так, Ф. Бекон, Р. Декарт, Г. Лейбниц делали вывод о необходимости построения универсального языка для непротиворечивой и однозначной записи научных истин и расширения сферы человеческого познания. Предпринимаются попытки сконструировать идеальный «философский» язык [2; 3]. Первые попытки имели, скорее, умозрительный характер, позже, благодаря исследованиям Г. Лейбница, пе-

решили в новое качество — практически осуществимой программы.

Тремя столетиями позднее идеи Лейбница были востребованы философами аналитической школы, которые в своих теоретических построениях были нетерпимы к проявлениям «текучности», разрозненности, смысловой неопределённости языка. Стремление к организованности, упорядоченности, к безличной объективности стало одним из главных мотивов «исправления» недостатков естественного языка, который должен быть приведён в соответствие с требованиями аналитиков, к строгой фиксированности, устойчивости фактов. Это обстоятельство во многом объясняет логику построений и абстракций главных теоретиков этого философского направления.

Борьба с «грубыми» формами субъективизма ведётся начиная с Г. Фреге. Это обернулось построением тонких логико-семантических кон-

* Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ 14-13-59007.

струкций, основанных на эмпиризме и кантианстве.

Фреге, выявив четыре плоскости знакового отношения («знак – значение – смысл – представление»), как антипсихологист исключает «представление», а «смысл» представляет не столько как субъективное, сколько как интерсубъективное образование — понятное многим. Но делает это он из благих побуждений, для того чтобы показать «объективность» мысли [14]. Исключение субъективных представлений — промежуточной стадии между знаком и обозначаемым — облегчает рассмотрение отображения.

Фреге считал, что различие смысла и значения (денотата) позволяет устранить языковые трудности, связанные с наличием нескольких знаков для обозначения одного и того же объекта («Вечерняя звезда» и «Утренняя звезда» имеют одно значение — объект «Венера» — и разные смыслы). Однако и эта трехплоскостная структура (треугольник Фреге) в дальнейшем породила много трудностей.

После Фреге к семантической проблематике в теории дескрипций обратился Б. Рассел. Он отказался от трехплоскостной структуры, показав на примерах те трудности, которые связаны с ней. Рассел исключает «смысл», оставив только две плоскости знакового отношения — «знак» и «значение (денотат)». То же делает и Л. Витгенштейн: он «редуцировал содержание сознания к вербализованному интеллекту, полагая, что от индивидуально-психологических аспектов можно без особого ущерба отвлечься» [8]. Таким образом, борьба с психологизмом завершается исключением субъективной стороны языкового знака, субъективной реальности. В результате между знаком и тем, что он обозначает, не остается ни субъективных представлений, в том числе и понятий, ни объективного значения слова. Принцип экономии соблюден.

Для обозначения концепции, лежащей в основе его анализа, Рассел ввел обозначение «логический атомизм». К наиболее фундаментальным относится его концепция (аристотелевская) истины как соответствия фактам [9]. Поэтому Рассел строит логическую конструкцию как логику функции истинности. Все сложные предложения можно свести к атомарным. Соответственно структура мира должна быть такой же, т.е. состоять из атомарных фактов. Причем атомарный факт — это не онтологический атом, а то, что делает предложение истинным.

У раннего Витгенштейна также появляется идея о том, что мир и язык изоморфны, поскольку у них одна и та же логика. Эта логика «пронизывает» объективный и субъективный мир. Как и у Рассела, основной единицей реальности у Витгенштейна является не вещь, а факт («Мир есть совокупность фактов, а не вещей» [4, 1.1], «Мир распадается на факты» [4, 1.2]). Сама природа факта неопределенна, да и безразлична для философа: факты — это все то, что делает предложение истинным [4, 2.141, 4.06].

Таким образом, мир предстаёт как конгломерат фактов и выстраивается «снизу вверх»: объекты, ситуации, факты. Язык строится так же: имена, элементарные предложения, предложения. Язык оказывается зеркальным отражением мира, а мир — зеркальным отражением языка. Лишённое гибкости и динамики, жёсткое, однозначное представление об отображении вещного мира языком искажает обе стороны отображения. Во всяком случае язык теряет способность к бесконечному множеству вариаций, ему противостоит распавшийся на бесконечное множество атомарный мир.

Идеи Рассела и особенно Витгенштейна периода «Логико-философского трактата» вдохновили Р. Карнапа — активного участника Венского кружка и признанного лидера логических позитивистов. А их положение о том, что утверждения традиционной философии лишены познавательного смысла, заявленное в «Трактате» [4, 4.111, 4.112], развернулось у Карнапа и участников Венского кружка в программу «очищения науки от метафизики»: «Философия — такая деятельность, которая позволяет обнаруживать или определять значение предложений» [15, с. 31]. То есть философия, в отличие от эмпирических наук, не имеет дела с объектами: все объектные вопросы относятся к сфере частных наук.

Карнап, как логик науки, разделяя объектные предложения (“роза есть красная”) от псевдообъектных (“роза есть вещь”), предлагает правила логического перевода последних в объектные (слово “роза” есть вещное слово). Он же выделяет два модуса речи — формальный (мы говорим о словах) и материальный (мы говорим о вещах и объектах). Именно материальный модус может порождать псевдопроблемы (и метафизические в том числе). И Карнап демонстрирует, как легко они «разрешаются» путем перевода в формальный модус чисто синтаксически [6].

При поисках унифицированного языка науки Карнап пришел к физикализму, главным условием которого было требование перевода всех наук на язык физики. Он считал, что наука невозможна, если нельзя выполнить перевод протокольных предложений на язык физики.

В русле этой идеи физикалистский язык О. Нейрата. Он фундирует языки физики и математики, поскольку термины этих наук максимально точные. С помощью такого языка можно установить логические связи между науками, выработать общую методологию. Нейрат отрицал трактовку протокольных предложений как первоначальных, исходных, базисных. В его «универсальном языке нет предложений, которые можно было бы выделить в качестве “первоначальных”, все его предложения являются реальными предложениями одинаковой первоначальности» [11]. Нельзя выделить абсолютно достоверные протокольные предложения, так как они являются обычными реальными предложениями, в которые входят имена отдельных людей или групп. Утверждение же Карнапа о том, что протокольные предложения не нуждаются ни в каком обосновании, по мнению Нейрата, сводимо к непрекращающемуся метафизическому поиску последних оснований.

Нейрат считал, что критерием истинности протокольных предложений является их непротиворечивость другим предложениям данной науки. Унифицированный язык науки должен представлять собой систему непротиворечивых протокольных и непротокольных предложений. Нейрат постулировал, что два противоречащих друг другу протокольных предложения не могут использоваться в системе единой науки. В этом контексте процедура верификации выступает не как отношение между предложением и опытом, а как отношение между предложениями. На первое место в системе языка выступает синтактика. С точки зрения такого подхода различного рода сказки столь же истинны (если, конечно, они не содержат нарушений логических законов), как и исторические свидетельства или труды по химии (М. Шлик).

Одной из догм логического позитивизма было деление наук на формальные (математические) и фактуальные. Фактуальные знания состоят из элементарных высказываний (атомизм), к которым могут быть сведены все теоретические положения (принцип редукции). Однако как отыскать эти базисные (элементарные) предложения и как очи-

стить науку от метафизических предложений? Решение этих двух проблем, казалось, было найдено философами венской школы в принципе верификации. Но, несмотря на все его модификации (Р. Карнапом, К. Поппером и другими логическими позитивистами), принцип верификации оказался слишком жестким критерием научности. Он отсекал от науки ее наиболее плодотворные части — научные законы и теоретические термины.

Подведем итоги. Главное, что объединяет рассмотренные концепции и конструкции, — это устранение из построений мыслящего Я — субъекта неисчерпаемого в своих возможностях универсального языка. Но позже разработчиками теории речевых актов прагматики обнаруживается, что связь языка и реальности опосредована коммуникативной деятельностью носителей языка, поэтому прежние попытки логических позитивистов установить непосредственную связь языка с реальностью сменяются исследованием самой этой деятельности. В лингвистической философии это проявилось в работах позднего Витгенштейна [5]. В основе их содержания — понимание значения языкового выражения как употребления. Мыслительная деятельность носителей языка и коммуникация между ними оказываются необходимым звеном, связывающим язык с реальностью.

Обращается Витгенштейн к языку с той же целью — построить методологический аппарат, позволяющий добиваться прояснения философских проблем, результатом чего должно быть их снятие. Однако новый метод не связан с использованием логических средств, так как процедура анализа языкового выражения меняет его смысл.

Если в «Трактате» Витгенштейн определял язык как совокупность предложений, то теперь он стремится, используя примеры различных «языковых игр», дать иной образ языка, сведя слова «от их метафизического употребления вновь к их первоначальному обыденному употреблению» [5, § 109]. Отличительной чертой языковых игр является нерасторжимое единство языка, его употребления и определенной деятельности, причем образцы и нормы языкового поведения неотделимы от образцов и норм конкретного вида деятельности: «Это целое, состоящее из языка и действий, с которыми он связан, я буду называть также языковой игрой» [5, § 7].

Идея языковой игры показывает, что язык сам есть часть определенной деятельности, форма социальной практики: «...язык мыслится не как

“извне” противостоящий миру его логический двойник. Это — набор “форм жизни” или “жизненных игр” [7]. Вместе они образуют каркас, определяющий значения слов. В различных языковых играх одни и те же слова имеют разные употребления, т.е. они фактически имеют разные значения. При этом, что важно, совокупность возможных употреблений одного и того же слова не ограничена и не фиксирована. Рассматриваемые отдельно, слова и предложения обладают лишь скрытыми смыслами. Только будучи помещенными в определенный контекст, они приобретают действительный смысл.

Начиная с «Философских исследований» Витгенштейна в научных исследованиях происходит сдвиг от изучения языка, его глубинных формальных структур в область межчеловеческой коммуникации, к речи и речевой деятельности (Д. Остин, Дж. Сёрл и др.), к прагматике в логических исследованиях (С. Крипке, Я. Хинтика); одновременно с этим идёт известный «возврат» к человеческой субъективности (ментальности). Рассуждая о природе интенциональных состояний, Сёрл, для которого отправной точкой служит уже не слово и не предложение, а производство таких слов и предложений при совершении речевого акта [12, с. 28], считает, что «язык выводим из интенциональности, но не наоборот» [13, с. 101]. Более того, он утверждает, что существуют формы интенциональности, которые не выражаются в языке или не находят эксплицитного выражения в нём. Поэтому полная теория языка должна учитывать и то, какое значение имеет используемое говорящим предложение, и то, что он намеревается совершить, произнося это предложение.

Однако, несмотря на многовековые попытки внедрения универсальных языков, эта идея так и не получила реализации на практике, кроме весьма узкой сферы — языки логики. Причиной неудач является то, что создателей универсальных искусственных языков отличает стремление к упорядоченности и безличной объективности. Конструкции идеальных языков в большинстве своем есть продукт механистического истолкования природы мышления.

Неудачи в попытках построения и массового внедрения «универсального» языка привели исследователей к противоположной идее: для достижения успеха проекта необходимо сменить строгость, логичность и однозначность на нечто иное, противоположное указанным характеристи-

кам, но в то же время присущее языку и мышлению. В результате новым исходным принципом построения «универсального» языка оказывается образность.

По мнению Я.И. Линцбаха, прийти к философскому языку можно лишь тем путем, которым шла средневековая алхимия к научной химии, а именно с помощью математики. Новый язык не будет иметь словаря и грамматики в строгом смысле слова; этимологией будет геометрия, а синтаксисом — алгебра. Соответственно, мысль на этом языке может быть выражена посредством геометрического чертежа или алгебраической формулы, причем чертеж пригоден для описания всякого рода конкретных представлений (лошадь, человек, дом и т.д.), а формула — для выражения отвлеченных понятий (прямая, окружность, перпендикулярность и т.д.). Исходя из этого, важнейшим достижением математики Линцбах считает декартову систему координат, которая дает возможность точно переводить геометрические представления на аналитические, и наоборот.

На первый взгляд требование Линцбаха при построении «универсального» языка в многоязычии кажется парадоксальным. Однако Линцбах отмечает, что он имеет в виду не географическое или этнографическое многоязычие. Необходимость использования различных языков в познании основана на «вооружении многими языками в смысле математики», которые не исключают, а дополняют друг друга. Автор обосновывает требование многоязычия тем, что многообразие природы безгранично, а возможности человека ограничены, поэтому победить это многообразие можно, «противопоставляя каждому новому случаю некоторый совершенно новый язык» [10, с. 34].

Основной недостаток словесного языка, по мнению Линцбаха, заключается в отсутствии наглядности. Поэтому, ратуя за создание лингвистики как математической дисциплины, эстонский семиотик, выбирая между алгеброй и геометрией, отдает предпочтение геометрии в силу ее наглядности. «Грамматика языка есть не что иное, как некоторая геометрия, весьма примитивного свойства. От настоящей, научной геометрии она отличается только своей запутанностью, своей относительной беспомощностью. <...> Построить грамматику идеальную, свободную от противоречий и способную обнимать всевозможные случаи, значит прийти к геометрии» [10, с. 83]. Таким образом, грамматику словесного языка следует «растворить» в геометрии и, как

следствие, в наглядном изображении. Линцбах отмечает, что современные наука и техника уже создали аналог такого «универсального» языка — кинематограф («настоящий всемирный язык, чрезвычайно полный и богатый содержанием»); ни один естественный язык не способен соперничать в полноте выражения с этим механическим языком. Язык кинематографа способен к выражению научных терминов и теорий, при этом они сделаются непосредственно доступными восприятию, и их усвоение не доставит каких-либо трудностей.

Внедрение в постоянное употребление универсального языка не только обозначает его грандиозную роль в процессе познания, не просто выделяет его общечеловеческую значимость, но, как считает Линцбах, вводит концепт сверхчеловека, позаимствованный им у Ф. Ницше. По мнению Линцбаха, «быть человеком — значит, быть существом говорящим. Поэтому быть говорящим на философском языке — значит, быть не просто человеком, а быть философом — существом, стоящим в силу самого обладания новым, более совершенным языком на некоторой высшей ступени развития» [10, с. 10]. Такие люди, с точки зрения автора, перешли в сверхчеловеческое состояние, они настолько выше обычных людей, насколько последние выше животных. Сверхчеловек — это художник, гений, опережающий свое время, понимающий больше и глубже остальных. Но если концепт сверхчеловека у Ницше пронизан некоторой долей пессимизма, поскольку сверхчеловек не понят, и в этом заключается его страдание, то данный аспект теории Линцбаха крайне оптимистичен: даже математику он рассматривает как знание, при освоении которого любой человек будет испытывать радость (однако для этого требуется реорганизация науки, а также процесса обучения и образования).

В результате Линцбах, исходя из тех же оснований что и аналитики, приходит к необходимости образной формы выражения результатов процесса мышления, поскольку данный метод пригоден как для обыденного, так и для научного познания.

За создание особого языка, но уже исключительно для философии, ратует А.Г. Барабашев [1]. Он также отмечает непригодность естественных языков. Их недостатком является полисемантность, наличие слов, не обладающих дискретным смыслом. Такая особенность языковых знаков создает эффект «кривого зеркала», неровность ко-

торого обусловлена тем, что через каждое слово просвечивает целый спектр смыслов, каждое слово текста отображает свет проблемы в особом направлении. При этом Барабашев считает невозможным устранение абстрактных понятий философского дискурса. В результате он приходит к выводу о необходимости иного средства выражения философских знаний — философии нужен адекватный ей язык.

В поисках такого средства автор исходит из сущности самой философии. Он замечает, что философские проблемы обусловлены жизнью (по мнению Барабашева, даже в процесс покупки хлеба проникает масса философских проблем), жизненными проблемами; причем последние вовсе не обязательно существуют на вербальном уровне, не всегда и не сразу имеют словесное воплощение. Можно говорить о промежуточном уровне между миром и словами — уровне образов. Следовательно, жизненные и основанные на них философские проблемы имеют образный характер, который воспринимается целостно. Этот единый образ дискретные слова выразить не в состоянии, они искажают его и тем самым затрудняют восприятие. В качестве альтернативы Барабашев предлагает использование картинок-схем, которые наиболее адекватно соответствуют образному характеру философии.

Автор не предлагает каких-либо примеров использования подобных схем, а отмечает лишь то, что подобному способу выражения ничего не препятствует, для этого нет никаких серьезных возражений (справедливости ради стоит отметить, что не существует и законов, препятствующих созданию машины времени, однако данное изобретение остается делом фантастов). В данный же момент, когда альтернативы естественному языку остаются теоретическими измышлениями, «читатель, стремящийся понять философский текст, должен уподобиться делосским водолазам, славившимся успешным поиском затонувших кораблей в мутной воде; он должен разглядеть целостные схемы-образы за взвесью слов» [1].

Наиболее современным примером образного представления философии является проект 8-Bit Philosophy⁴⁷, созданный в 2014 г. [16]. Как сообщает главная страница этого ресурса, он предназначен для изучения основных философских концепций и понятий через призму классических 8-битных видеоигр, популярных в 1980–1990 гг. (справедливости ради отметим, что заимствован лишь визуальный и аудиальный формат при пол-

ном отсутствии игрового компонента). К примеру, К. Маркс представлен как персонаж Марио из одноименной видеоигры. В указанном проекте реализуются презентации философского знания из различных областей: истории философии (например, ролики «Кем был Сократ?», «Кем был Макиавелли?», «Что такое марксизм?»), онтологии («Что есть реальность?», «Время — это постоянный круговорот?»), гносеологии («Придает ли рациональное мышление жизни смысл?», «Можем ли мы быть уверенными в чем-либо?»), социальной философии («Закончится ли история?», «Нужно ли нам правительство?»), этики («Что такое зло?», «Почему мы не должны совершать самоубийство?»). Данный проект должен способствовать более глубокому пониманию философии, поскольку визуальный ряд в некоторой степени облегчает восприятие философских концепций и понятий. Однако авторы 8-Bit Philosophy осознают недостаточность образного выражения и дополняют его. Каждый ролик — это 3–4-минутный видеосюжет с наложением текстового описания определенной концепции и его прочтения. Можно предположить, что подобная форма репрезентации материала задействует большее количество участков головного мозга, поскольку активизирует разные рецепторы и способы восприятия информации. И все же данный проект предназначен для людей, уже знакомых с философией, он лишь представляет забавное воплощение уже известных концепций. Но в то же время его достоинством является попытка «оживить» чрезмерно абстрактные (как принято считать в широких кругах) философские учения, погрузить человека внутрь их пространства, например, ощутить, что значит находиться внутри платоновской пещеры. Вероятно, именно такая способность «погружения» и предопределила выбор в пользу формы видеоигры, а не кинематографа, как предлагал Я.И. Линцбах.

На уровне обыденного мышления подобной образно-схематической форме репрезентации знаний соответствует так называемое клиповое мышление. Оно является серьезным преимуществом в чрезвычайных, экстренных ситуациях, когда нужно максимально быстро оценить состояние окружающей действительности, чтобы человек имел возможность спастись (например, во время стихийных бедствий, техногенных катастроф, вооруженных действий). При таком способе отражения реальной действительности окружающий мир воспринимается как некоторая мо-

заика, составленная из разрозненных фактов, событий, которые имеют форму «клипов», то есть образную форму. Клиповое мышление — это адаптивный механизм человека современной эпохи, однако такое мышление является поверхностным: человек оценивает только внешнюю сторону некоторой ситуации или факта, утрачивая способность анализировать, мыслить критически. Хотя человек мобильнее реагирует на какую-либо экстренную ситуацию, но выявить причины ее появления и предложить способы ее дальнейшего недопущения он не способен.

Кроме того, в результате отказа от самостоятельного осмысления у человека ухудшается память. Причем как когнитивная, так и эмоциональная. Чем насыщеннее информационные потоки вокруг нас, тем хуже становится наша память. Человек воспринимает некоторую информацию, не обрабатывая ее. Поэтому, оказавшись в новой ситуации, он просто заменяет прежний поток информации новым потоком, без сохранения первого. В результате притупляются понятия ответственности, эмпатии, появляется феномен душевной лени. Таким образом, оперирование преимущественно клиповым мышлением может привести к ужасающим последствиям как для отдельного человека, так и для социума в целом.

Репрезентация научных и философских знаний с помощью визуальных, образных средств возможна в форме схем (вариант Барабашева) и картинок (Линцбах). В первом случае мы фактически возвращаемся к рассмотренным ранее проектам «универсального» языка, поскольку несмотря на обращение к образности схема — это лаконичное выражение некоторого алгоритма, а мышление, повторимся, неалгоритмично. Во втором случае происходит интеграция науки, философии и искусства. Однако следует отметить, что средства выражения должны быть адекватны сущности рассматриваемого явления. Между тем в данном случае теряется специфика научного и философского дискурса, невозможно найти ответ на вопрос: в чем отличительные особенности науки, философии от искусства?

Наука — это адекватное отражение действительности в системах понятий; она призвана вскрывать сущность исследуемых предметов или сфер действительности. Движение к сущностной, глубинной стороне предмета науки, обнаружение его внутренних, глубинных связей и отношений возможно лишь посредством понятий, но не образов, картинок или схем. Образное выражение

строится на репрезентации внешних признаков предметов, то есть без углубления в их сущность. Образ содержит в себе некоторое понятийное содержание, но в нем существенное и несущественное слиты, не отделены друг от друга. Такое отвлечение возможно лишь с выработкой понятия.

Во-вторых, цель науки — обнаружение законов функционирования некоторых объектов, сторон действительности, мира в целом. Закон — это некая устойчивая, внутренняя, сущностная, необходимая, причинная связь между предметами. Вновь повторимся, что для выражения глубинной, сущностной связи образной формы репрезентации знания недостаточно, поскольку последняя схватывает лишь внешние признаки и отношения. Необходимую связь может отразить только система понятий, так как необходимость предполагает то, что есть всегда и что характерно для всех объектов некоторого класса, то есть некоторое обобщенное содержание. Такое обобщенное отражение предмета фиксируется лишь понятием, но не образом, который всегда воспроизводится в его индивидуальности. Далее, закон выражает причинно-следственные связи, которые образ схватить не может опять же в силу неспособности отобразить глубинные стороны и отношения объекта. Причинно-следственные связи представляют некоторую динамику мысли, и даже если несколько картинок разместить в ряд и последовательно просматривать их друг за другом, как это происходит в кинематографе или же в видеоигре, они останутся на феноменологическом уровне. Более того, несколько зрительных образов, расположенных в ряд, таят в себе опасность ошибки «post hoc ergo propter hoc» («после этого — значит по причине этого»), так как они способны выразить лишь хронологическую последовательность, но не логическую.

Наконец, как возможно иллюстрировать понятия высокой степени абстракции, которыми полна наука и особенно философия. Сами авторы рассмотренных ранее проектов конструктивных решений данной проблемы не предлагают. К примеру, Линцбах, вводя идею образной формы языка, в качестве иллюстрации приводит предложения типа «Человек поднял руку», «Лошадь опустила голову», зрительно изобразить которые не представляет большого труда. При таком подходе высокая степень абстрактности как одна из характерных сложностей науки и философии не разрешается, а фактически игнорируется, снимается.

Итак, мы обнаружили два фактически противоположных способа преобразования естественного языка для представления результатов научного познания. На одном полюсе находится логический метод, а на другом — образно-схематический. В первом случае происходит абсолютизация рациональной стороны процесса мышления, естественный интеллект строится на принципах, свойственных интеллекту искусственному; философия превращается в логику. Во втором абсолютизируется образность философского мышления, при котором теряется специфика собственно философии; она приобретает форму искусства. Между тем связь языка и мышления не столь проста и однозначна. Эти явления связаны диалектическими отношениями, следовательно, находятся между собой в сложной и противоречивой связи, формы проявления которой могут быть самыми разнообразными: от наличия несомненного единства до борьбы. Язык, тесно связанный с мышлением, участвует во всех психических и когнитивных процессах, представляя собой сложным образом воплощенные его механизмы. Поэтому при моделировании искусственных научных языков необходимо учитывать специфику познавательного процесса. Наша задача состоит в том, чтобы посмотреть на исследуемую проблему диалектически, чтобы избежать подобного рода абсолютизаций, объединить в себе черты двух указанных позиций. Попытки такого рода объединений предпринимаются в современной науке (теория телесной рациональности (embodied rationality), в отличие от картезианской теории рациональности, разрабатываемой Дж. Лакоффом и пр.).

Список литературы

1. *Барабашев А.Г.* Философия как схематизм образного мышления. URL: http://philosophy.ru/library/kn_book/01.html/ (дата обращения: 01.11.2014).
2. *Береснева Н.И., Мишланова С.Л.* Проблемы проектирования языка как идеального средства познания // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Пермь, 2010. Вып. 5. С. 23–30.
3. *Береснева Н.И., Мишланова С.Л.* Язык как «идеальное» средство познания // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. № 1(1). С. 33–38.
4. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М.: Иностран. лит., 1958. 133 с.
5. *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Витгенштейн Л. Избранные философские рабо-

- ты. Ч. 1. М., 1994. 521 с.
6. Карнап Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка // Вестник Московского университета. Серия. 7. Философия. 1993. № 6. С. 11–26.
 7. Козлова М.С. Идея «языковых игр» // Философские идеи Людвиг Витгенштейна. М.: ИФ РАН, 1996. С. 5–24. URL: http://www.philosophy.ru/iphras/library/kozl2_1.html#5 (дата обращения: 28.07.2010).
 8. Козлова М.С. Размышление о феноменах сознания в работах позднего Л. Витгенштейна // Проблема сознания в современной западной философии. М.: Наука, 1989. С. 190–212.
 9. Кюнг Г. Онтология и логический анализ языка. М.: Дом интеллект. книги, 1999. 237 с.
 10. Линцбах Я.И. Принципы философского языка: Опыт точного языкознания. 2-е изд., доп. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 200 с.
 11. Нейрат О. Протокольные предложения. М.: Территория будущего, 2006. 316 с.
 12. Пассмор Дж. Современные философы. М.: Идея-Пресс, 2002. 190 с.
 13. Сёрл Дж. Природа интенциональных состояний // Философия, логика, язык. М.: Прогресс, 1987. С. 96–126.
 14. Фреге Г. Мысль: логическое исследование // Философия, логика, язык. М.: Прогресс, 1987. С. 18–47.
 15. Шлик М. Поворот в философии // Аналитическая философия: Избранные тексты. М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 28–32.
 16. 8-Bit Philosophy. URL: <http://8bitphilosophy.com/> (дата обращения: 24.01.2015).
- Logico-Philosophicus]. Moscow, Inostrannaya literature Publ., 1958, 133 p. (In Russian).
5. Wittgenstein L. [Philosophical Investigations]. Vitgenshteyn L. Izbrannye filosofskie raboty. Ch. 2. [Wittgenstein L. Selected Philosophical Works. Part 2]. Moscow, 1994, 521 p. (In Russian).
 6. Carnap R. [The Elimination of Metaphysics Through Logical Analysis of Language]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seria 7. Filosofiya* [Moscow State University Herald. Series 7. Philosophy]. Moscow, 1993, no. 6, pp. 11–26. (In Russian).
 7. Kozlova M.S. [The idea of « Language Games »]. *Filosofskie idei Lyudviga Vitgenshteyna* [Philosophical Ideas of Ludwig Wittgenstein]. Moscow, IF RAN Publ., 1996, pp. 5–24. Available at: http://www.philosophy.ru/iphras/library/kozl2_1.html#5 (accessed: 28.07.2010). (In Russian).
 8. Kozlova M.S. [Reflection on Phenomenon of Consciousness in the Works of Late L. Wittgenstein]. *Problema soznaniya v sovremennoy zapadnoy filosofii* [The problem of consciousness in contemporary Western philosophy]. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 190–212. (In Russian).
 9. Kung G. *Ontologiya i logicheskiy analiz yazyka* [Ontology and the Logistic Analysis of Language]. Moscow, Dom intellektualnoy knigi Publ., 1999, 237 p. (In Russian).
 10. Linzbach J. *Printsipy filosofskogo yazyka: Opyt tochnogo yazykoznaneya* [The Principles of Philosophical Language: An Attempt at Exact Linguistics]. Moscow, Knizhnyy dom «LIBROKOM» Publ., 2009, 200 p. (In Russian).
 11. Neurath O. *Protokolnye predlozheniya* [Protocol Statements]. Moscow, Territoriya buduschego Publ., 2006, 316 p. (In Russian).
 12. Passmore J. *Sovremennye filosofy* [Contemporary Philosophers]. Moscow, Ideya-Press Publ., 2002. 190 p. (In Russian).
 13. Searle J. [The Nature of Intentional States]. *Filosofiya, logika, yazyk* [Philosophy, Logic, Language]. Moscow, Progress Publ., 1987, pp. 96–126. (In Russian).
 14. Frege G. [The Thought: A Logical Inquiry]. *Filosofiya, logika, yazyk* [Philosophy, logic, language]. Moscow, Progress Publ., 1987, pp. 18–47. (In Russian).
 15. Schlick M. [The Turning Point in Philosophy]. *Analiticheskaya filosofiya: Izbrannye teksty* [Analytical Philosophy: Selecta]. Moscow, MGU Publ., 1993, pp. 28–32. (In Russian).
 16. 8-Bit Philosophy. Available at: <http://8bitphilosophy.com/> (accessed: 24.01.2015).

Получено 11.08.2015

References

1. Barabashev A.G. *Filosofiya kak skhematizm obraznogo myshleniya* [Philosophy as a Scheme of Figurative Thinking]. Available at: http://philosophy.ru/library/kn_book/01.html/ (accessed: 01.11.2014). (In Russian).
2. Beresneva N.I., Mishlanova S.L. [Problems of Language Designing as an Ideal Means of Knowledge]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and foreign philology]. Perm, 2010, no. 5, pp. 23–30. (In Russian).
3. Beresneva N I., Mishlanova S.L. [Language as an «Ideal» Means of Knowledge]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Herald of the Vyatka State Humanitarian University]. 2011, no. 1(1). pp. 33–38. (In Russian).
4. Wittgenstein L. *Logiko-filosofskiy traktat* [Tractatus

The date of the manuscript receipt 11.08.2015

Об авторах

Береснева Наталья Ириковна

доктор философских наук, доцент,
декан философско-социологического факульте-
та, профессор кафедры философии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: beresnevv@mail.ru

Голева Елена Олеговна

студентка специальности «Философия» фило-
софско-социологического факультета

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: lena.goleva2011@yandex.ru

About the authors

Beresneva Natalia Irikovna

Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Dean of the Faculty of Philosophy and Sociology,
Professor of Philosophy Department

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: beresnevv@mail.ru

Goleva Elena Olegovna

Student of the specialty «Philosophy»,
Faculty of Philosophy and Sociology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: lena.goleva2011@yandex.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Береснева Н.И., Голева Е.О. Логические и образные формы «универсальных» языков // Вестник Пермско-
го университета. Философия. Психология. Социология. 2015. Вып. 4(24). С. 57–65.

Please cite this article in English as:

Beresneva N.I., Goleva E.O. Logical and figurative forms of «universal» languages // Perm University Herald. Se-
ries «Philosophy. Psychology. Sociology». 2015. Iss. 4(24). P. 57–65.